

На снимке был запечатлен профиль молодой женщины. Она была одета в консервативное, но изысканное платье, её черты лица были нежными и чистыми, длинные волосы уложены в популярную в то время причёску, а чёлка завитая внутрь. Крупный план лица привлекал наибольшее внимание: она слегка приподняла голову, губы изогнуты в легкой улыбке, ямочки на щеках едва заметны, но в её почти отрешённых глазах блеснули слёзы.

Это был известный чёрно-белый кадр из фильма, последний кадр главной героини.

В то время это выражение лица вызвало много споров, потому что она всего за мгновение смогла передать одновременно наступление счастья и разочарование в финале.

Шан Чжэ любил эту женщину, восхищался её актёрским мастерством и мечтал о её жизни.

Её звали Ван Сулинь, и она была его матерью.

Он открыл книгу и нашёл главу, посвящённую его матери, где были описаны её интервью.

Ван Сулинь говорила, что, в отличие от «экспрессионизма», она больше подходила для «интуитивизма». Актёры «экспрессионизма» обладали сильной способностью наблюдать и подражать, находили способы выражения персонажа через объективные эффекты, но у неё это не всегда получалось, иногда даже выходило неестественно. Поэтому, спустя несколько лет работы актрисой, она начала пытаться через собственное понимание персонажа и исследование его действий развивать каждое мгновение чувств прямо перед камерой.

Дальше Шан Чжэ не стал читать, так как там шла речь о достижениях его матери в актёрской карьере и сожалениях о её внезапном уходе из профессии. Узнавать о своей матери из чужих слов было особым чувством, но для Шан Чжэ она была больше, чем просто человеком, описанным в этих словах и фотографиях.

Шан Чжэ усмехнулся и положил книгу обратно:

— Хоть мама и не учила меня актёрскому мастерству, но, похоже, у меня всё же есть талант. Наверное.

Чжэн Цзянь вышел из машины, посмотрел на часы на запястье и застегнул одну пуговицу на пиджаке.

Фан Линь, стуча каблуками, быстро шла за Чжэн Цзянем. На её лице сохранялась профессиональная холодность и серьёзность, но внутри она кричала от восторга и тщеславия.

С того момента, как их машина остановилась у входа в Иньшэн, они привлекли много внимания. Хотя Иньшэн и так был местом, где собирались красивые мужчины и женщины, нельзя было не признать, что её босс обладал внешностью, не уступающей звёздам, а также обаянием зрелого мужчины и статусом, символизирующим обширные связи и богатство, что делало его появление неизбежно заметным.

Проще говоря, в глазах окружающих Чжэн Цзянь был сверхкачественным «спонсором», которого нельзя было упускать. Работать на такого босса было честью даже для неё, секретаря.

Сегодня Чжэн Цзянь представлял Чицзэ на переговорах об инвестициях в Иньшэн, и она заранее подготовила множество материалов, но, к сожалению, Чжэн Цзянь, похоже, не уделил им должного внимания. Но это было не страшно, ведь босс лично приехал, и она была уверена, что ничего не сможет помешать.

Чжэн Цзяньнь сначала встретился с генеральным директором Иньшэн, Ван Дэчэном. Ван Дэчэн, которому уже за пятьдесят, был влиятельной фигурой в мире шоу-бизнеса. Они обменялись любезностями, каждый из них проявлял уважение друг к другу, а затем обсудили инвестиционный план.

К удивлению Фан Линь, Чжэн Цзяньнь отлично разобрался в материалах, которые она подготовила, и даже помнил некоторые детали и данные. Он значительно изменил инвестиции Чицзэ в Иньшэн в этом году, сделав крупную ставку, что было почти на 10 % больше, чем в прошлом году, что вызвало широкую улыбку на лице Ван Дэчэна.

Переговоры прошли очень успешно, и вскоре все вопросы были решены. Тогда Чжэн Цзяньнь предложил найти одного человека.

Ван Дэчэн посмотрел на него с особым смыслом:

— Господин Чжэн, кто из наших новичков вас заинтересовал?

Чжэн Цзяньнь с лёгкой шуткой ответил:

— Я мало знаком с новичками вашей компании, но знаю одного довольно популярного молодого актёра, хотел бы поговорить с ним.

Ван Дэчэн с удовольствием сделал этот жест доброй воли:

— Господин Чжэн давно никого не поддерживал, если он попал в ваше поле зрения, то у этого молодого актёра, несомненно, большое будущее.

Подобные вещи в этом кругу были обычным делом, у многих звёзд были свои покровители, и каждый мог добиться успеха в зависимости от своих способностей.

Однако Чжэн Цзяньнь не назвал имени, и Ван Дэчэн не стал углубляться, просто вызвал Чжоу Кана и поручил ему хорошо принять Чжэн Цзяньня, а также привести того молодого актёра на встречу.

Фан Линь было любопытно, кого её босс выбрал, но Чжэн Цзяньнь всегда чётко разделял личное и рабочее и не собирался позволять ей вмешиваться в свои личные дела. Поэтому, несмотря на то что Фан Линь горела от любопытства, она так и не получила ни капли информации и была безжалостно отправлена обратно в офис.

Чжоу Кан, однако, знал, кого он хочет видеть, но и он не сразу пришёл в себя.

— Господин Чжэн, вы хотите встретиться с Шан Чжэ?

— Да, — ответил Чжэн Цзяньнь. — Его нет?

— Он, должно быть, здесь... — Чжоу Кан незаметно осмотрел его, не сразу понимая, какие у них с Шан Чжэ отношения. — Эм, подождите минутку.

Чжоу Кан позвонил Шан Чжэ, но тот не ответил, затем он позвонил Сяо Хуэй и спросил:

— Где Шан Чжэ? Почему он не берёт трубку?

Сяо Хуэй ответила:

— Он в библиотеке, возможно, у него телефон на беззвучном режиме.

— Что он делает в библиотеке?

— Дин Ци велел ему хорошо подготовиться к экзамену.

— А, — Чжоу Кан не знал, что сказать. — Попроси его прийти ко мне в офис.

— Не нужно, я сам зайду в библиотеку, — сказал Чжэн Цзянь. — Не беспокойте господина Чжоу, просто найдите кого-нибудь, кто проведёт меня.

Тогда Чжоу Кан снова позвонил Сяо Хуэй:

— Не зови его, приходи сама.

Сяо Хуэй быстро пришла:

— Господин Чжоу, что случилось?

Чжоу Кан представил её:

— Господину Чжэну нужно поговорить с Шан Чжэ, проведите его в библиотеку.

Сяо Хуэй была очень внимательна и вежливо поклонилась:

— Пожалуйста, господин Чжэн.

Чжэн Цзянь взглянул на лицо Сяо Хуэй и узнал в ней ту женщину, которая была с Шан Чжэ в «Лабиринте»:

— Вы ассистент Шан Чжэ?

Сяо Хуэй кивнула:

— Да.

По пути в библиотеку Чжэн Цзянь спросил:

— Говорят, Шан Чжэ привёз с собой ребёнка из-за границы?

Сяо Хуэй не знала, сколько он знает, и не стала распространяться, осторожно ответив:

— Некоторые СМИ поднимают эту тему.

Чжэн Цзянь спокойно сказал:

— Он женат?

Сяо Хуэй ответила:

— Насколько я знаю, нет.

Чжэн Цзянь больше не задавал вопросов, так как это совпадало с его предварительными данными: у Шан Чжэ был ребёнок, хотя личность матери оставалась неизвестной, но он до сих пор не был женат и оставался холостяком.

Они подошли к библиотеке, и разговор на этом закончился. Чжэн Цзянь сказал «спасибо», открыл дверь и вошёл один.

Сяо Хуэй расслабилась, вздохнула с облегчением и задумалась:

«Что это за игра?»

В библиотеке было мало людей, когда Чжэн Цзянь вошёл, он увидел только мужчину средних лет, который спал, положив голову на длинный стол, а его лицо было закрыто толстой пачкой сценариев.

Солнечный свет из окна падал на промежутки между книжными полками, Чжэн Цзянь шёл вдоль рядов, и первое, что он увидел, была длинная тень человека. Он на мгновение остановился, испытывая сомнения.

В следующую секунду он подошёл и нарушил последнюю тишину между ними.

— Что ты читаешь?

Неожиданное появление кого-то испугало Шан Чжэ, и, увидев Чжэн Цзяня, он снова испугался. Эти два испуга заставили его замереть, и он очнулся только тогда, когда Чжэн Цзянь подошёл к нему.

— Ты... как ты здесь оказался?

— Я пришёл к тебе, заодно обсудить с Иньшэн инвестиционный план на этот год.

— ... Не перепутал ли он «заодно»? Шан Чжэ украдкой взглянул на уголок рта Чжэн Цзяня и, увидев, что от его удара не осталось следов, немного успокоился. — Извини за тот удар, но если ты пришёл, чтобы свести счета...

— Я пришёл вернуть удостоверение личности твоего друга, — Чжэн Цзянь достал из кармана пиджака карточку. — Ты так и не пришёл ко мне, поэтому мне пришлось прийти сюда.

Шан Чжэ смутился, он совсем забыл об этом, взял удостоверение личности Сяо Суня и покраснел:

— А, спасибо.

Чжэн Цзянь сказал:

— Я извиняюсь за то, что сказал в тот вечер.

— Что?

— Тогда я говорил, не думая, и сказал много необдуманных вещей. Не волнуйся, я не причину вреда тебе и твоему ребёнку, тебе не нужно постоянно быть настороже.